

© 2024 г.

Д.А. ДАВЫДОВ

НЕВОЗМОЖНОСТЬ СОЦИАЛИЗМА. ЧАСТЬ 2. НОВЫЙ ИНДИВИДУАЛИЗМ

ДАВЫДОВ Дмитрий Александрович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия (davydovdmiriy90@gmail.com).

Аннотация. Статья посвящена изучению социально-классовых противоречий современного общества. Автор показывает, что, несмотря на растущее экономическое неравенство в развитых странах, перспектива объединения всех эксплуатируемых и притесняемых с целью борьбы за социалистическое общество равенства и справедливости становится все более туманной. Появляется множество оснований утверждать о невозможности социализма (в обозримой перспективе) и высокой вероятности нового антагонистического этапа развития общества. Во второй части статьи обосновываются два тезиса: 1) чем богаче культурное разнообразие общества, тем больше предпосылок для межгрупповых ценностных противоречий; 2) новые посткапиталистические общественные отношения способствуют не солидарности и творческому диалогу всех со всеми в формате «коммунизма знаний», а углублению индивидуализма. Делается вывод, что в эпоху «невозможности социализма» любая ведущая под левыми лозунгами политическая борьба неизбежно ведется в пользу одних социальных групп в ущерб интересам других.

Ключевые слова: посткапитализм • социализм • коммунизм • капитализм • классовый анализ • политика идентичности • коммунизм знаний • социальное неравенство

DOI: 10.31857/S0132162524010108

Нематериальное: чем богаче культурное разнообразие, тем больше конфликтов вокруг ценностей. Сказанное в первой части статьи вряд ли убедит тех, кто давно делает ставку не только на классовую, но даже больше на «культурно обусловленную» борьбу всех угнетенных против капитализма как системы, в рамках которой классовая эксплуатация является лишь одним из способов извлечения тех или иных выгод людьми, находящимися на вершине социальной иерархии. Речь идет в том числе об идее *интерсекциональности* (см., напр.: [Collins, 2019]), ставшей в западной академии и активистских кругах почти новым здравым смыслом.

Если кратко описать суть данной идеи, она сводится к тому, что классовая эксплуатация никогда не ограничивается собственно извлечением прибавочной стоимости. Она всегда сочетается с такими явлениями, как расизм, колониализм, сексизм, гомофобия, эйблизм, эйджизм, беспечное отношение к природе (спесишизм и др.). Из данного посыла вытекает вывод, согласно которому избавиться от «системного угнетения» можно только в том случае, если уничтожить все формы угнетения и эксплуатации, подпитывающие друг друга.

Закономерны попытки синтезировать вышедший из так называемого черного (антирасистского) феминизма (black feminism) концепт интерсекциональности с марксизмом [Bohrer, 2019]. Сегодня почти в любой книге левого автора можно заметить призывы

к объединению всех угнетенных. Н. Фрейзер, к примеру, призывает осуществить «контргегемонистский проект экосоциальной трансформации достаточной широты и дальновидности, чтобы координировать борьбу многочисленных социальных движений, политических партий, профсоюзов и других коллективных акторов» [Fraser, 2022: XVI–XVII]. «Ценности, – писал Э.О. Райт, – составляют потенциальную основу для построения политического единства... разнообразных идентичностей» [Wright, 2019: 103]. М. Каба и А. Ричи так обосновывают необходимость лишения финансирования полиции: «требования defund коренятся в теории и практике чернокожих феминисток, сосредоточенных на коллективном выживании, безопасности и заботе. Они глубоко пропитаны черными радикальными традициями, антикапиталистическими движениями и глубоко укоренены в антиколониальной борьбе, справедливости для инвалидов, а также квир- и транс-освободительных мечтах» [Kaba, Ritchie: 2022: 24].

Однако с реализацией идеи интерсекциональности на практике есть «некоторые проблемы». Прежде всего, стоит отметить неоднозначное отношение к ней ряда марксистов. Поясним, сославшись на книгу профессора социологии Нью-Йоркского университета В. Чиббера «Классовая матрица. Социальная теория после культурного поворота». Он описывает эволюцию взглядов марксистов на отношения между классом как структурой и материальными интересами рабочих. «Культурный поворот» начала 1970-х подорвал представление о том, что именно экономические структуры детерминируют устойчивые наборы интересов. Некоторое время классовый анализ еще оставался центральным в арсенале левых теоретиков, но постепенно постструктуралистские и постмодернистские тенденции становились доминирующими, а неомарксизм главным эволюционировал в сторону постмарксизма¹. Когда все больше авторов склонялись к тому, что культура формирует то, как социальные акторы воспринимают свое положение в структуре, оставалось сделать небольшой шаг к заключению, что сама структура является продуктом культуры. По словам Чиббера, «как только культура заняла свое место в качестве основы социальной структуры, она естественным образом привела к скептицизму по отношению к теориям, претендующим на универсальный охват, или “великим нарративам”, на жаргоне того времени» [Chibber, 2022: 8]. Среди этих «великих нарративов» оказался и классический марксизм с его представлениями об универсальном характере капиталистической эксплуатации и, соответственно, борьбы против нее.

Далее Чиббер переходит к изложению важного тезиса (здесь мы логически возвращаемся к первой части статьи): капитализм действительно порождает конфликт между рабочими и капиталистами, но система такова, что наиболее привлекательными являются способы сопротивления ей на индивидуальной, не на коллективной основе. «Ключ к загадке классового образования, – продолжает Чиббер, – заключается в том, что оптимистические прогнозы, подобные прогнозам Маркса, даже когда они представлены на защищенном каузальном языке, пропускают важный шаг. Они сосредотачиваются на причинных механизмах, которые могли бы склонить рабочих к классовой организации, но не описывают другие аспекты классовой структуры, препятствующие такому образу действий» [Chibber, 2022: 62]. Среди препятствий – уязвимость работников перед властью работодателей (страх перед потерей работы), общие проблемы, возникающие при коллективных действиях (обычно сводящиеся к организационным издержкам и «проблеме безбилетника»).

Классовый анализ и «ревизионизм» Чиббера непосредственно связаны с его критикой концепта интерсекциональности. По мнению Чиббера, интерсекциональный анализ

¹ Если неомарксизм, акцентирующий внимание на «надстройку», а не на «базис», еще сохраняет тесную связь с марксизмом, стремясь лишь переосмыслить субъекта социалистических преобразований, то постмарксизм отрывается от материалистической диалектики, опирается на постмодернистскую мысль и теории дискурса, хотя все еще находится под влиянием марксизма. Есть и другая трактовка: постмарксизм подразумевает радикальное переосмысление теоретического «ядра» марксизма при попытках сохранить отдельные теоретические или методологические элементы наследия классиков марксизма.

ставит под угрозу тезис об универсальном характере классовой эксплуатации, что является дополнительной идейной издержкой при попытках организации политической борьбы и без того «рыхлого» рабочего класса. Если все формы эксплуатации и угнетения переплетены, то в этом клубке *пересекающихся противоречий трудно отличить капиталистическую эксплуатацию от культурного угнетения*. В итоге активисты начинают пытаться «исправлять» культуру, но не сами основы экономической системы. Если же марксистские теоретики пытаются указать на возможные экономические причины угнетения, это может расцениваться активистами как «принижение» жертвенной роли идентичности. В итоге марксистских теоретиков часто обвиняют в *классовом редукционизме*. Их, к примеру, называют расистами, способствующими «господству белых», так как они ставят в приоритет именно *классовый, экономический* анализ. Более того, попытки марксистов заговорить о проблемах рабочего класса также иногда расцениваются как отсылки к проблемам именно *белых мужчин*.

И это – не единственная концептуальная претензия к идее интерсекциональности со стороны марксистов. Так, есть глубокая разница между классовой борьбой и всем тем, что сегодня обозначают термином «политика идентичности». Согласно классическому марксизму, конечная цель рабочих – перестать быть рабочими, то есть перейти к бесклассовому обществу. Но политика идентичности нацелена, наоборот, на подчеркивание *уникальности группового опыта, его внутренней ценности*; она укрепляет идентичности, не борется с ними. Что же происходит, когда такая «борьба на укрепление идентичностей» ведется в условиях преобладания послевоенных интеллектуальных направлений, включая семиологию, феноменологию, экзистенциализм, теорию дискурса и деконструкцию? Наступает время, когда различные «критические теории», опирающиеся на то, что Х. Плакроуз и Дж. Линдси [Pluckrose, Lindsay, 2020] назвали *прикладным постмодернизмом*, формируют общую атмосферу подозрительности по отношению к предполагаемым «угнетателям». Отсюда – волна дискуссий по поводу «культурных войн» и расширению цензуры. М.Дж. Леже в коллективной монографии «Идентичность побеждает социализм» также показывает, что дискуссии о бесконечном разнообразии опыта мешают попыткам объединения всех эксплуатируемых с целью глобальной антисистемной борьбы [Léger, 2023].

Критика интерсекциональности и политики идентичности такими марксистами, как В. Чиббер и М.Дж. Леже, имеет свои ограничения. По их мнению, если вернуть классовому анализу его привилегированное положение, то проблема будет решена: все «угнетенные» продолжают свою «политику разнообразия», но под общим классовым знаменем [Foley, 2023]. То есть они считают, что главное затруднение лежит в плоскости политических идей. На наш взгляд, это – серьезное заблуждение. Корни проблемы имеют *социальную, а не идейную природу*.

Мы подходим к формулированию третьего ключевого тезиса настоящей статьи. Постепенный рост материального благосостояния по мере технологического развития означает также, что общество становится культурно богаче, появляется все больше всевозможных образов жизни, ценностей, взглядов и прочего. Но такое *культурное разнообразие может приводить к ценностным противоречиям и расколам, а потому – к межгрупповым конфликтам*. Идея интерсекциональной солидарности, иными словами, в *корне несостоятельна*, и дело не в только в том, что классовый анализ был отодвинут на второй план. Важнее то обстоятельство, что, чем общество богаче и разнообразнее, тем труднее людям находить общие ценностные ориентиры для политического объединения.

Самая броская проблема – это прогрессистская повестка в современных западных странах как *таковая*. Когда мы говорили о рабочем классе, то сослались на мнение, согласно которому победа Д. Трампа на президентских выборах 2016 г. объяснима отчасти культурной реакцией консервативных жителей «красных» штатов на «левую» политику демократических элит. Обычно на данный тезис ссылаются с целью обвинить белый рабочий класс в расизме, ксенофобии прочих социально неодобряемых явлениях. Проблема в том, что достаточно трудно отделить, скажем, ксенофобию от ощущения культурного

вытеснения (если не сказать притеснения) «нового меньшинства» представителями совершенно чуждых культур, которые не проявляют желания ассимилироваться с принимающей стороной [Gest, 2016]. Также вопросы могут вызывать сами левые дискурсы, фактически отдающие символический и не только приоритет гомосексуальному над гетеросексуальным, феминному над маскулинным, «цветному» над «белым», гендерно-флюидному и трансгендерному над биологически определенным, «бинарным» и т.д. Такие вещи, как гомосексуальные браки или разрешение малолетним детям менять пол (как минимум принимать блокаторы полового созревания) могут вызывать весьма неоднозначную реакцию людей, придерживающихся других ценностей.

Споры о ценностях подобны неразрешимым спорам о вкусах. По мере углубления в детали и нюансы западных левых идейно-политических концепций сильнее становится заметно, что их авторы больше конфликтуют друг с другом, нежели борются с капитализмом и разными формами «системного угнетения». Противоречия, по сути, повсеместны.

Посмотрим, например, на современные вариации феминизма. Являлась ли борьба женщин за свободный выход на рынок труда освобождением, или это игра по «мужским» буржуазным правилам? Как показал опыт, вхождение женщин в состав оплачиваемой рабочей силы послужило не повышению медианного семейного дохода пар с детьми, как можно было бы ожидать, а предотвращению его падения [Stewart, 2021]. Соответственно, «прорыночные» феминистки все чаще критикуют феминистки, выступающие за справедливое вознаграждение за неоплачиваемый труд (unpaid care work подразумевает также заботу о детях или недееспособных людях). Но сама категория «неоплаченный труд», примененная к таким феноменам, как материнская любовь, вполне может расцениваться как логика коммодификации (А. Нельсон: «Действительно ли мы, женщины, хотели, чтобы наш социальный статус сводился к денежной купюре или зарплате и зависел от них в мире, полном денежного неравенства?» [Nelson, 2022: 98]). Тем не менее, если бы мы придали материнской любви самостоятельную «женскую» ценность, то совершили бы акт эссенциализации женщин, ограничивающий свободу их выбора. В итоге современный феминистский дискурс постоянно колеблется между «уравнивающей» логикой коммодификации и эссенциализирующим подчеркиванием уникального «женского опыта».

Л. Перри нашла похожее противоречие в сексуальной сфере: сегодня сексуальное раскрепощение зачастую рассматривается как свидетельство женской свободы от «патриархальной семьи». Однако, согласно Перри, феминистская идея о сексуальном равенстве выгодна прежде всего мужчинам, а ориентация на деконструкцию половых биологических различий не позволяет увидеть серьезную разницу между сексуальностью мужчин и женщин. При этом игнорируются более высокие риски для женщин от случайного секса (стать жертвой насилия или забеременеть). Перри критикует левых «аболиционисток», выступающих за «отмену» тюрем, поскольку сомневается в эффективности программ реабилитации насильников: «женщины и дети, составляющие подавляющее большинство жертв изнасилования, непропорционально часто бывают бедными и небохими» [Перри, 2022: 81].

Другой ракурс: М. Смит и Дж. Мак, авторы книги «Восставшие проститутки: борьба за права секс-работников», высказывают возражения феминисткам, выступающим против проституции. Согласно аргументам таких феминисток, проститутки идут на поводу у мужчин, позволяя себя объективировать, то есть «пользоваться» собой как объектом для мужского удовольствия. Мак и Смит не приемлют такого подхода и считают, что криминализация проституции вредит экономически уязвимым женщинам, для которых проституция – единственный источник доходов. Возможно ли разрешить это противоречие? Как говорят Смит и Мак, большинство проституток перестали бы заниматься продажей своего тела, если бы у них была возможность [Smith, Mac, 2018]. Проблема в том, что это вряд ли удовлетворит их оппонентов, для которых критика «объективации» – принцип. Данное противоречие, видимо, неразрешимо, как и те, о которых говорилось выше: все сводится к спорам о вкусах и предпочтениях.

Короче говоря, резонно говорить скорее о современных *феминизмах*, причем постоянно враждующих друг с другом, нежели о *феминизме* как едином идейном пласте, который можно было бы добавить в качестве монолитного элемента в какую-либо из моделей интерсекциональности. Но в чем современный феминизм действительно преуспел, так это в разжигании межполового антагонизма.

В целом у всех современных «критических» теорий есть одна особенность: они не формулируют четких критериев избавления от «системного угнетения». Этого, кстати, не было у классического марксизма, выдвигавшего конкретный (хотя во многом спорный) перечень критериев бесклассового общества и способов его достижения (вроде «снятия» частной собственности). Отсюда – атмосфера всеобщей подозрительности: что бы ни делалось, всегда можно в поведении тех, кто относится к категории «угнетателей», найти элементы расизма, сексизма и прочего (вплоть до приписывания им «неправильных» мыслей или вольной интерпретации их действий). В итоге грань между *борьбой с притеснением* и *борьбой за привилегии* стирается. Патриархат заменяется матриархатом. Например, в книге под названием «Парадокс пениса» ее автор Э. Уиллингем совершает своего рода виртуальную кастрацию всех мужчин: «раньше пенис был символическим защитником и источником жизни. Теперь пенис – это воплощение токсичной мужественности» [Уиллингем, 2023: 321]. Самое примечательно в данной книге – приписывание современной культуре фаллоцентризма, а также взгляд на мужчин как на склонных использовать свои гениталии исключительно для господства и доминирования.

Такой уничижительный тон вряд ли способствует укреплению общего доверия. К тому же постоянные разговоры о патриархате и фаллоцентризме начинают противоречить фактам.

С. Краковски представил интересный взгляд на проблему растущего межполового антагонизма и кризиса маскулинности в современном обществе в книге об *инцелах* (от англ. involuntary celibates) – растущей группе мужчин, не способных найти пару для построения отношений. Как отмечает Краковски, ведя речь о Швеции, все больше фактов свидетельствуют, что мы начинаем жить в мире, где доминируют женщины, а не мужчины. Так, среди выпускников 2019 года 80,8% девочек и только 66,4% мальчиков окончили гимназию с оценками, позволяющими поступать в высшее учебное заведение; 64% всех бездомных – мужчины, а также 70% самоубийц; мужчины все чаще одиноки, у каждого пятого нет ни одного близкого друга [Краковски, 2023: 24–25]; мужчин осуждают на более суровые наказания за одни и те же преступления; продолжительность их жизни короче, они чаще гибнут из-за травм на рабочем месте [там же: 49]. Согласно BIGI (базовый индекс гендерного неравенства) – индексу, позволяющему измерить предпосылки долгой здоровой жизни и доступность образования для женщин и мужчин – почти в 70% стран ситуация у мужчин хуже, чем у женщин [там же: 50]. При этом среди причин увеличивающегося количества «девственников поневоле» Краковски указывает возросшую требовательность женщин к мужчинам: у женщин много ожиданий, а мужчины им часто не соответствуют. Идеалы мужественности мало изменились, но к ним добавляются все новые и новые требования: мужчина должен быть джентльменом и альфа-самцом, но при этом проводить время дома, брать больничные для ухода за ребенком, делать работу по дому и т.д. В эпоху, когда женщин с высшим образованием становится больше, чем мужчин, первые часто вообще отказываются от создания семьи. Что же касается «свободных отношений», то благодаря социальным сетям женщины имеют больше альтернатив при выборе подходящих партнеров. В итоге растет доля «отверженных» мужчин, ставящих на себе крест и ненавидящих женщин (а также феминизм). Как показал Краковски, именно инцелы часто выплескивают свой гнев, устраивая массовую стрельбу по людям (шутинги).

Хотелось бы отметить, что мы рассмотрели далеко не все противоречия современного феминизма. Противоречия политики идентичности феминизмом не ограничиваются. Является ли марксизм частью западного рационалистического гуманизма, а представления о капиталистической эксплуатации – метанарративом? Или каждая культура должна

иметь свои представления о мире, как о том говорит ряд концепций постколониализма [Chibber, 2023]? Люди с ожирением – жертвы бодишейминга и должны гордиться своим телом [Лаптон, 2021]; или же они ненасытные жители «империи», ответственные за выбросы CO₂ [Aji, 2021: 123]? Евреи – жертвы холокоста, одна из угнетаемых групп, представители которой терпят постоянные издевки, или же они – белые угнетатели, а Израиль – государство, осуществляющее агрессию против Палестины [Bernstein, 2022]? В рамках статьи все противоречия невозможно, наверное, даже перечислить. Некоторые из них раскрыты в уже опубликованном анализе [Давыдов, 2023].

Посткапитализм, индивидуализм и новые статусные иерархии. Современные концепции посткапитализма опираются на два ключевых посыла: 1) процессы автоматизации и роботизации производства, о которых сейчас много пишут, приближают *посттрудовое общество*, что позволит рано или поздно претворить в жизнь марксистскую мечту о «царстве свободы» [Mason, 2017; Srnicek, Williams, 2016]; 2) переход от материальной экономики к преимущественно производству услуг и идей (концепций, теорий, дизайнов, художественных произведений, инженерных решений и т.д.) подразумевает перспективу *коммунизма знаний* [Gorz, 2010]. Складывается утопическая картина: физически монотонно работают роботы, а люди занимаются свободной *творческой деятельностью*, ведь знания и идеи легко распространять бесплатно (пользуясь ими, мы их не исчерпываем, а приумножаем). Пути достижения такого состояния могут быть самыми разными: от постепенного сокращения рабочей недели до выплат безусловного дохода. Разумеется, необходима и реализация типичных социал-демократических стратегий: борьба с экономическим неравенством, активное развитие социальной сферы и т.д.

У данного мировоззрения есть уязвимость, связанная с односторонней трактовкой творчества как коллективного процесса, порождающего изобильные нематериальные блага. Это не совсем так. Творческий человек производит не только изобильные блага, но и свою *индивидуальность, исключительность*. Творчество *позволяет самовыражаться через поиск выгодных отличий от других*. Если знания и идеи действительно изобильны, то не изобильно (даже дефицитно) *внимание*, за которое люди борются, играя в статусные игры. Даже если завтра наступит материальное изобилие, люди вряд ли перестанут пытаться возвыситься над другими; они не прекратят демонстрировать нетривиальную красоту, креативность или эпатаж. Это уже происходит в социальных сетях, ставших для большинства населения «параллельной реальностью», где они обитают (мысленно находясь) немалую часть своего времени. Для конкурентной борьбы не обязательны и деньги: внимание, измеряемое в подписчиках, лайках и репостах, уже стало параллельной валютой или же непосредственным благом, позволяющим испытывать удовольствие от популярности или собственноручно сконструированного образа «себя». Мы, таким образом, можем представить движение к посткапитализму не как борьбу всех эксплуатируемых и угнетенных за справедливость и равенство, а как *расширение индивидуализма, переход конкурентной борьбы преимущественно в сферу нематериального*.

Сегодня все больше авторов, среди которых как журналисты и социальные теоретики, так и физиологи, склонны признавать, что *люди – статусные существа*. В мозге человека есть универсальные механизмы, побуждающие его конкурировать с другими за более высокий статус². Выгодное положение в социальной иерархии коррелирует с хорошим здоровьем и ощущением счастья, а низкий статус связан со стрессом. Как отмечает Л.Г. Брюнинг, почетный профессор менеджмента Калифорнийского государственного университета, аппетит к социальному господству более первичен, чем стремление к еде и сексу. Человек всегда находится в поисках серотонина, выделяемого в моменты, когда он ощущает свою «статусную уверенность», и данный гормон высвобождается короткими

² Мы понимаем термин «социальный статус» здесь в следующем значении: это относительный уровень социальной ценности, которым, как считается, обладает человек. Такая социальная ценность включает уважение, почет, предполагаемую компетентность и почтительность.

рывками, поэтому всегда нужно делать больше, чтобы получить больше, то есть гонка никогда не заканчивается. Каждый жаждет быть в центре внимания, но должен жить в мире, в котором семь миллиардов других жаждут того же [Breuning, 2021].

Природа человека такова, что, даже если «объективные» основания для конкурентной борьбы за статус исчезнут, люди придумают искусственные ограничения, преодоление которых позволит выделяться победителям (что мы видим, например, по массовым сетевым ролевым играм, где борьба за статус ведется в симулируемой реальности). Опрос 1500 сотрудников одной британской компании показал, что 70% людей предпочитают статус деньгам, то есть готовы согласиться скорее на более статусную должность, чем на повышение зарплаты [Storr, 2022: 33]. Люди повышают свой статус даже тогда, когда демонстрируют внешне альтруистическое поведение: исследование 11 672 случаев донорства органов в США обнаружило, что только 31 пожертвование было анонимным [там же: 169]. «Предельная полезность денег и власти может снижаться, – отмечает В. Дэвид Маркс, – но достижение статуса заставляет нас хотеть большего» [David Marx, 2022: 22].

Свободу от «материального» можно трактовать и как свободу от капитала, привязывающего рабочего к системе разделения труда, волей-неволей заставляющей его чувствовать себя частью массовой производственной машины и, стало быть, класса. Теперь каждый может быть автором (то есть «средством производства») *сам по себе*, без принадлежности к трудовому коллективу. Добавим сюда технологический контекст: новейшие коммуникационные технологии позволяют выкладывать в сеть результаты творчества (от научных достижений до фотографий в Instagram³) и бороться за внимание миллионов людей во всем мире. В итоге мы наблюдаем целую посткапиталистическую вселенную, в рамках которой люди создают сетевых «себя», борются за внимание и делают это не только ради денег, но и ради *удовольствия от статуса*. Говоря слово «посткапиталистическая», мы не имеем в виду, что успех в социальных сетях никак не обусловлен коммерческими интересами или миром капитала (особенно рекламой). Но мы отрицаем посыл, согласно которому между капитализмом и тем, что следует за ним, должна быть какая-то сущностная пропасть. Подобно тому, как в эпоху становления капитализма обычным делом был компромисс между частью буржуазии (ее торговой и финансовой верхушкой) и земельной аристократией, так сегодня люди, борющиеся прежде всего за творческую самореализацию и привлечение внимания, сотрудничают с капиталистическими элитами.

Тенденции, связанные с переходом к массовому «производству личностей», столь широки, что многие авторы стали говорить о тотальной *селебритизации* культуры. Исследователь социальных медиа К. Колпинец пишет, что популярность социальных медиа привела к всеобщей озабоченности «лицом и телом мечты», «путешествием мечты», «квартирой мечты», «отношениями мечты», «работой мечты», чтобы все это формировало притягательный образ в соцсетях (привлекало больше «лайков»). При этом изображение становится важнее непосредственного обладания вещами: главное, к примеру, не обладать большим красивым домом со стильным скандинавским дизайном, но заполучить лучший кадр, создав *видимость* обладания. То же самое можно сказать про «инстаграмные» фото: главное не сам факт потребления, а то, какое *внимание* оно привлекает [Колпинец, 2022].

Э. Саден пишет о целой «экономике лайка» – экономике «погони за чувством собственной значимости», где «идет негласное и непримиримое соревнование – кому достанется больше наград» [Саден, 2023: 142–143]. Л. Джонс в книге «Нация знаменитостей: как Америка превратилась в культуру фанатов и последователей» показывает, что знаменитость стала перформативной практикой, а границы между публичным и частным, обычным и знаменитым, известным и печально известным, знаменитостями и героями ослабли или почти исчезли в последние годы. Больше нет горстки привратников СМИ, решающих, кто станет знаменитым, и больше нет знаменитостей, ведь любой может стать знаменитым, если наберется

³ Данная социальная сеть признана экстремистской на территории РФ.

смелости, терпения и подписчиков в «Твиттере». Джонс также ссылается на многочисленные исследования (в основном социологические опросы), которые показывают, что американские подростки и молодежь в XXI в. в подавляющем большинстве предпочитают славу всем другим атрибутам, включая интеллект или богатство [Jones, 2023]. Один из недавних опросов (июль 2022 г.) 1000 американцев в возрасте 16–25 лет показал, что каждый четвертый из опрошенных планируют стать «влиятельными лицами» в социальных сетях, а 16% даже заявляют, что готовы заплатить за это⁴. В книге «Поколения» известный социальный психолог Дж. Твенге показывает, что социальные сети усилили тенденцию сравнивать себя с другими, приводя к росту неудовлетворенности жизнью или собственной внешностью среди американских подростков (особенно девочек) [Twenge, 2023]. Косвенно это указывает на растущую статусную конкуренцию в социальных сетях, где выигрывают наиболее красивые и креативные.

Разумеется, можно долго спорить о том, каковы глубина и масштабы происходящих процессов; насколько западный опыт универсален; действительно ли «персонализация» формирует жизнеспособную альтернативу капитализму; являются ли новые элиты – *персоналиат* [Давыдов, 2021] в лице тех, кто обладает прежде всего притягивающей внимание личностью – более влиятельными, чем старые элиты. Для нас важно отметить следующее: *индивидуализм как значимое общественное явление, скорее всего, сохранится и после капитализма*. Более того, он только углубляется по мере освобождения людей от «внешней целесообразности», что дополнительно усложняет перспективу борьбы за социализм «единым фронтом». Мы, как заметил Э. Саден, живем в эпоху продолжающейся атомизации. «Люди при этом оказываются внутри личного ореола, изолирующего их от всего, что считается чуждым и неподходящим» [Саден, 2023: 136].

Заключение. Есть две концептуальные модели исторического перехода к новой общественной формации. Первая подразумевает, что люди, преследуя собственные цели и интересы, сами *спонтанно* создают новые общественные отношения. Так было всегда. Капитализм никто не «строил», как и все то, что было до него. Вторая модель предлагает *сознательное* движение к новому этапу исторического развития, возможное путем *совместной* борьбы эксплуатируемых и угнетенных. Данная модель подразумевает крайне сложный консенсус: как по поводу образа желаемого будущего, так и по поводу выбираемых средств и политических стратегий. Пока эта модель существует лишь в качестве теоретической абстракции. Все попытки ее воплотить оказались провальными⁵.

Говоря о «невозможности социализма», мы не желаем идти путем Ф. Фукуямы с его концептом «конца истории». Наша цель – показать всю глубину проблемы. Мы специально объединили четыре основных тезиса в одной большой статье, поскольку важно видеть картину целиком. Заметим, нами не рассмотрены многочисленные трудности согласования единой политической позиции (от таких частностей, как споры по поводу ГМО, до извечных дискуссий между «умеренными» и «радикалами»). Мало того, что, несмотря на противоречия, связанные с социально-экономическим неравенством, люди не спешат устраивать антикапиталистическую революцию, но сами новые посткапиталистические общественные отношения способствуют углублению индивидуализма.

Каковы здесь могут быть практические выводы? На наш взгляд, история не завершается. Но новая общественная формация будет, вероятнее всего, *антагонистической*, то есть подразумевающей конкуренцию и/или вражду индивидов и групп⁶. И мы не можем

⁴ Langdon S. Gen Z and The Rise of Influencer Culture // Highervisibility. 2022. August 19. URL: <https://www.highervisibility.com/ppc/learn/gen-z-and-the-rise-of-influencer-culture/> (дата обращения: 21.08.2023).

⁵ Мы не можем считать ни «шведский социализм», ни «китайский коммунизм» примерами завершеного полноценного перехода к следующей общественной формации. Швеция и Китай сегодня, пусть с оговорками, – *капиталистические* страны.

⁶ Можно сказать, что в том числе и *классов*. Только теперь принадлежность к высшему классу будет определяться не обладанием материальными средствами производства, а доступом к такому

«исправить» мир, предложив ему подходящую идеологию. Масштаб и множество противоречий, о которых было сказано выше, настолько велики, что подобрать какую-то универсальную формулу «правильного» общества, которая устроила бы всех, попросту невозможно. В этой связи мы бы также не спешили, как это делают А.В. Бугалин и А.И. Колганов, всех борющихся за привлечение внимания блогеров, политиков, ученых и прочих влиятельных лиц ассоциировать с «превратными» формами социальности. Как они писали, «популярность абсолютного большинства “персонализирующих” себя индивидов – это не действительная творческая индивидуальность, а социальные симулякры» [Бугалин, Колганов, 2022: 104]. Однако у нас нет универсального критерия различения симулякров и не-симулякров.

Сказанное выше не означает, что борьба за справедливость и равенство невозможна. Она вполне возможна. На наш взгляд, «невозможность социализма» по большому счету означает невозможность единого «социализма», выгодного для всех. Есть социализмы (как идеологии) новых элит, а есть социализмы бедных (тоже самые разные). Они обычно в корне друг другу противоречат. Бедным, возможно, лучше было бы забыть об «абстрактных» социализмах и бороться сугубо за свои конкретные жизненные интересы. Учитывая раскрывающуюся бездну противоречий, следует признать, что в современных условиях любая политическая борьба, какой бы левой и социалистической ее ни называли, по факту ведется в пользу одних социальных групп в ущерб интересам других социальных групп. Возможно, самое время более скептически относиться к абстрактным идеалам всеобщего равенства и братства и разобраться в том, кто кому в стремительно меняющихся условиях является «другом», а кто – «врагом».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бугалин А.В., Колганов А.И. Капитализм, посткапитализм и креативная революция (критические размышления о статье Д.А. Давыдова) // Социологические исследования. 2022. № 9. С. 100–109.
- Давыдов Д.А. Марксизм в плену у интерсекциональности // Социологические исследования. 2023. № 2. С. 125–136.
- Давыдов Д.А. Посткапитализм и рождение персоналиата. М.: Рипол классик, 2021.
- Колпинец Е.В. Формула грез. Как соцсети создают наши мечты. М.: Individuum, 2022.
- Краковски С. Инцелы. Как девственники становятся террористами. М.: Individuum, 2023.
- Лаптон Д. Жирные. М.: ВШЭ, 2021.
- Монтаг К. Новые боги. Как онлайн-платформы манипулируют нашим выбором и что вернет нам свободу. М.: Individuum, 2023.
- Перри Л. Темная сторона сексуальной революции. Переосмысление эпохи эротической свободы. М.: АСТ, 2022.
- Саден Э. Тирания Я: конец общего мира. СПб.: Изд-во И. Лимбаха, 2023.
- Сторр У. Статус. Почему мы объединяемся, конкурируем и уничтожаем друг друга. М.: Individuum, 2022.
- Уиллингем Э. Парадокс пениса. Уроки жизни из мира животных. М.: Альпина нон-фикшн, 2023.
- Ajl M. A People's Green New Deal. L.: Pluto Press, 2021.
- Bernstein D.L. Woke Antisemitism: How a Progressive Ideology Harms Jews. N.Y.: Wicked Son, 2022.
- Bohrer A.J. Marxism and Intersectionality: Race, Gender, Class and Sexuality under Contemporary Capitalism. Bielefeld: Transcript-Verlag, 2019.
- Breuning L. Status Games: Why We Play and How to Stop. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2021.
- Chibber V. Capitalism, Class and Universalism. Escaping the Cul-de-sac of Postcolonial Theory // Identity Trumps Socialism / Ed. by M.J. Léger. N.Y.: Routledge, 2023. P. 79–93.
- Chibber V. The Class Matrix: Social Theory after the Cultural Turn. Cambridge: Harvard University Press, 2022.
- Collins P.H. Intersectionality as Critical Social Theory. Durham: Duke University Press, 2019.
- David Marx W. Status and Culture: How Our Desire for Social Rank Creates Taste, Identity, Art, Fashion, and Constant Change. N. Y.: Viking, 2022.

дефицитному ресурсу, как *внимание*. О том, что внимание распределяется в экономике крайне неравномерно, а также о том, что такая неравномерность порождает новый классовый раскол между богатым и влиятельным *персоналиатом* и «молчаливым» *имперсоналиатом* см.: [Давыдов, 2021].

- Foley B. Intersectionality. A Marxist Critique // *Identity Trumps Socialism* / Ed. by M.J. Léger. N.Y.: Routledge, 2023. P. 94–98.
- Fraser N. *Cannibal Capitalism: How our System is Devouring Democracy, Care, and the Planet and What We Can Do about It*. N.Y.: Verso, 2022.
- Gest J. *The New Minority: White Working Class Politics in an Age of Immigration and Inequality*. Oxford: Oxford University Press, 2016.
- Gorz A. *The Immaterial: Knowledge, Value and Capital*. N.Y., L.: Seagull Books, 2010.
- Jones L. *Celebrity Nation: How America Evolved into a Culture of Fans and Followers*. Boston: Beacon Press, 2023.
- Kaba M., Ritchie A. *No More Police: A Case for Abolition*. N.Y.: The New Press, 2022.
- Léger M.J. The Use and Abuse of Class Reductionism for the Left // *Identity Trumps Socialism* / Ed. by M.J. Léger. N.Y.: Routledge, 2023. P. 177–194.
- Mason P. *Postcapitalism: A Guide to Our Future*. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2017.
- Nelson A. *Beyond Money: A Postcapitalist Strategy*. L.: Pluto Press, 2022.
- Pluckrose H., Lindsay J. *Cynical Theories: How Activist Scholarship Made Everything about Race, Gender, and Identity – and Why This Harms Everybody*. Durham: Pitchstone Publishing, 2020.
- Smith M., Mac J. *Revolting Prostitutes: The Fight for Sex Workers' Rights*. N.Y.: Verso, 2018.
- Srnicek N., Williams A. *Inventing the Future: Postcapitalism and a World Without Work*. New York: Verso, 2016.
- Stewart M. *The 9.9 Percent: The New Aristocracy That Is Entrenching Inequality and Warping Our Culture*. N.Y.: Simon & Schuster, 2021.
- Twenge J. *Generations: The Real Differences Between Gen Z, Millennials, Gen X, Boomers, and Silents – and What They Mean for America's Future*. N.Y.: Atria Books, 2023.
- Wright E.O. *How to Be an Anticapitalist in the Twenty-First Century*. N.Y.: Verso, 2019.

Статья поступила: 25.09.23. Финальная версия: 06.12.23. Принята к публикации: 08.12.23.

THE IMPOSSIBILITY OF SOCIALISM. PART 2. THE NEW INDIVIDUALISM

DAVYDOV D.A.

Institute of Philosophy and Law of UB RAS, Russia

Dmitry A. DAVYDOV, Cand. Sci. (Polit.), Senior Research Fellow, Institute of Philosophy and Law of UB RAS, Yekaterinburg, Russia (davydovdmitriy90@gmail.com).

Abstract. The article is devoted to the study of social and class contradictions in modern society. The author shows that, despite growing economic inequality in developed countries, the prospect for uniting all the exploited and oppressed in fight for a socialist society, equality and justice is becoming increasingly vague. There are many grounds for asserting the impossibility of socialism (in the foreseeable future) and the inevitability of a new antagonistic stage in the development of society. The second part substantiates the last two theses of the article: 1) the richer the cultural diversity of society, the more prerequisites for intergroup value conflicts; 2) new post-capitalist social relations do not contribute to solidarity and creative dialogue of everyone with everyone in the format of “knowledge communism”, but to the deepening of individualism. It is concluded that in the era of the “impossibility of socialism” any political struggle conducted under leftist slogans is inevitably waged in favor of some social groups to the detriment of the interests of other social groups.

Keywords: post-capitalism, socialism, communism, capitalism, class analysis, identity politics, communism of knowledge, social inequality.

REFERENCES

- Ajl M. (2021) *A People's Green New Deal*. London: Pluto Press.
- Bernstein D.L. (2022) *Woke Antisemitism: How a Progressive Ideology Harms Jews*. New York: Wicked Son.
- Bohrer A.J. (2019) *Marxism and Intersectionality: Race, Gender, Class and Sexuality under Contemporary Capitalism*. Bielefeld: Transcript-Verlag.
- Breunig L. (2021) *Status Games: Why We Play and How to Stop*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers.

- Buzgalin A.V., Kolganov A.I. (2022) Capitalism, Post-Capitalism and the Creative Revolution (critical reflections on the article by D.A. Davydov). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 100–109. (In Russ.)
- Chibber V. (2022) *The Class Matrix: Social Theory after the Cultural Turn*. Cambridge: Harvard University Press.
- Chibber V. (2023) Capitalism, Class and Universalism. Escaping the Cul-de-sac of Postcolonial Theory. In: *Identity Trumps Socialism*. Ed. by M.J. Léger. New York: Routledge: 79–93.
- Collins P.H. (2019) *Intersectionality as Critical Social Theory*. Durham: Duke University Press.
- David Marx W. (2022) *Status and Culture: How Our Desire for Social Rank Creates Taste, Identity, Art, Fashion, and Constant Change*. New York: Viking.
- Davydov D.A. (2021) *Postcapitalism and the Birth of the Personalist*. Moscow: Ripol klassik. (In Russ.)
- Davydov D.A. (2023) Marxism Captived To Intersectionality. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 125–136. (In Russ.)
- Foley B. (2023) Intersectionality. A Marxist Critique. In: *Identity Trumps Socialism*. Ed. by M.J. Léger. New York: Routledge: 94–98.
- Fraser N. (2022) *Cannibal Capitalism: How our System is Devouring Democracy, Care, and the Planet and What We Can Do about It*. New York: Verso.
- Gest J. (2016) *The New Minority: White Working Class Politics in an Age of Immigration and Inequality*. Oxford: Oxford University Press.
- Gorz A. (2010) *The Immaterial: Knowledge, Value and Capital*. New York, London: Seagull Books.
- Jones L. (2023) *Celebrity Nation: How America Evolved into a Culture of Fans and Followers*. Boston: Beacon Press.
- Kaba M., Ritchie A. (2022) *No More Police: A Case for Abolition*. New York: The New Press.
- Kolpinets E.V. (2022) *Dream Formula. How Social Media Creates Our Dreams*. Moscow: Individuum. (In Russ.)
- Krakowski S. (2023) *Incels. How Virgins Become Terrorists*. Moscow: Individuum. (In Russ.)
- Léger M.J. (2023) The Use and Abuse of Class Reductionism for the Left. In: *Identity Trumps Socialism*. Ed. by M.J. Léger. New York: Routledge: 177–194.
- Lupton D. (2021) *Fat*. Moscow: HSE Publ. (In Russ.)
- Mason P. (2017) *Postcapitalism: A Guide to Our Future*. New York: Farrar, Straus and Giroux.
- Montag K. (2023) *New Gods. How Online Platforms are Manipulating Our Choices and What will Give Us Back Our Freedom*. Moscow: Individuum. (In Russ.)
- Nelson A. (2022) *Beyond Money: A Postcapitalist Strategy*. London: Pluto Press.
- Perri L. (2022) *The Case Against the Sexual Revolution*. Moscow: AST Publ. (In Russ.)
- Pluckrose H., Lindsay J. (2020) *Cynical Theories: How Activist Scholarship Made Everything about Race, Gender, and Identity – and Why This Harms Everybody*. Durham: Pitchstone Publishing.
- Sadin E. (2023) *In the Era of the Tyrant Individual. The End of a Common World*. St. Petersburg: Izd-vo I. Limbakha. (In Russ.)
- Smith M., Mac J. (2018) *Revolted Prostitutes: The Fight for Sex Workers' Rights*. New York: Verso.
- Srnicek N., Williams A. (2016) *Inventing the Future: Postcapitalism and a World without Work*. New York: Verso.
- Stewart M. (2021) *The 9.9 Percent: The New Aristocracy That Is Entrenching Inequality and Warping Our Culture*. New York: Simon & Schuster.
- Storr W. (2022) *The Status Game. On Social Position and How We Use It*. Moscow: Individuum. (In Russ.)
- Twenge J. (2023) *Generations: The Real Differences Between Gen Z, Millennials, Gen X, Boomers, and Silents – and What They Mean for America's Future*. New York: Atria Books.
- Willingham E. (2023) *Phallacy. Life Lessons from the Animal Penis*. Moscow: Alpina non-fiction. (In Russ.)
- Wright E.O. (2019) *How to Be an Anticapitalist in the Twenty-First Century*. New York: Verso.

Received: 25.09.23. Final version: 06.12.23. Accepted: 08.12.23.